

Общие выводы из истории церковной гимнографии

архимандрит Киприан (Керн)

Глава из книги: *Литургика. Гимнография и эртология. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997. Сс. 85–94.*

Из сказанного об историческом развитии нашего церковного песнотворчества следует сделать некоторые выводы. Церковь, как Богочеловеческое Тело, живет и развивается в своих временных формах, не изменяясь по своей божественной природе. Развитие богослужебного устава и умножение праздников в память святых или явленных икон нашло себе среди церковных витий достойных прославителей. Формы этого богослужебного прославления не появились все вдруг и не остались неизменными в течение веков. Церковь усвоила некоторые формы и многие образы церковного творчества. И здесь, в истории формации нашего богослужения, как в области музыки, так и поэзии, замечается свой процесс развития. От форм более примитивных дошли до большего цветения, после которого начался период упрощения и упадка. Творчески плодотворным наше церковное искусство никогда не было. От примитивов дошли до классических форм, после чего началось увядание, подражание и, что еще печальнее, декадентство.

Если схематизировать формы церковного песнопения, то можно упрощенно свести все к следующим главным обликам.

1. Тропари, как наиболее краткие песнопения, прославляющие главную суть события. Хотя по напеву от них отличались, но по поэтической форме и содержанию остаются им очень близки: **седальны**, **светильны**, **ипакои** и даже **стихиры**. Эти последние, правда, имеют свои напевы, но часто даже и в книгах называются «тропарями на Господи воззвах».

2. Если тропарного типа песнопения были самыми краткими и только суммарно оттеняли главное содержание празднуемого события, то кондаки классического типа¹ явились уже развитой формой прославления этого события. Поэт на протяжении 24 строф большего или меньшего объема прославлял праздник, развивая те или иные стороны события, углубляясь в богословское его содержание, богословствовал сам, вдохновляясь и не будучи связан никакими иными извне данными ему темами. Это предполагало крупный поэтический дар, вдохновение и богословскую пытливость.

3. Канон, в отличие от кондака, хотя и не стеснен краткостью формы², стеснен все же данной ему темой. Он прославляет данное событие³, но должен в своих девяти песнях обязательно найти какую-то связь данного события с теми или иными событиями ветхозаветными, воспоминаемыми в библейских песнях, составляющих ткань песней канона. Надо во что бы то ни стало найти связь Успения с переходом евреев через Чермное море для 1-й песни, с молитвой Анны, матери Самуила, для 3-й, с пророком Ионою для 6-й и т. д. В начале, первый творец канонов св. Андрей Критский старался искать и находил эти соотношения и сходство образов во всех песнях. Его «Великий канон» по числу своих тропарей, кажется, почти отвечает количеству стихов всех библейских песен. Очень скоро, однако, творцы канонов поняли, что эта связь не может быть находима всегда. Скоро от этого отказались: число тропарей в песнях быстро уменьшилось, прямая символическая связь заменилась игрою слов и очень, иногда, неубедительными сравнениями. Впоследствии отказались и от этого: тропари отдельных песен без всякой связи с темой песни прославляют дневного святого. Можно найти примеры, когда данный тропарь с успехом мог бы занимать место не только в данной, скажем, 1-й песне, но и в 5-й и 6-й и т. д. Это стоит в связи и с тем, что стихи самих библейских песен перестали исполняться. Часто отсутствие связи с содержанием библейских песен заметно не только в тропарях канона, но и в ирмосах, которые сами должны быть примером и образцом для тропарей.

4. Акафист по объему приближается к кондаку классического типа. В нем 24 строфы, причем 12 более кратких, с припевом «аллилуиа» и 12 более длинных с особыми припевами, соответствующими припеву первого «кондака». В отличие от кондака, акафист не развивает в стихах данное событие или память святого, а в краткой вводной фразе данного «икоса» прибавляет «похвалы», начинающиеся обычно с «радуйся». Это нанизывание «похвал» редко когда доходит до числа 12; по-видимому, у автора уже не хватает воображения. Акафисты последнего времени⁴ избилуют географическими подробностями или именами князей, патриархов и др. людей и почти всегда копируются уже существующие в ранних акафистах похвалы и образы. Некоторые из акафистов XVIII в. страдают даже и униатскими оттенками.

В этом постепенном развитии нашего песнотворчества можно сказать нечто и о сравнительном достоинстве наших богослужебных книг. Не приходится, конечно, доказывать, что поэзия чистой воды с образами высокой художественности, глубоко религиозного содержания, пророческого вдохновения и пр. содержится в библейском песенном материале: псалмах и библейских песнях, посему приходится всегда сожалеть, что

¹ Времен Романа Мелода.

² Подобно тропарным обликам.

³ Напр., Успение Богоматери.

⁴ Написанные в большинстве в России и людьми не всегда литургически и богословски грамотными.

кафисмы Псалтири уступают место иным видам позднейшего церковного песнотворчества, а библейские песни почти целиком исключены из церковного употребления.

Среди наших церковно-богослужебных книг первое место занимают, бесспорно, Октоих и обе Триоди. Богословское содержание первой из этих книг, вышедшее из под пера Дамаскина, Иосифа, Феофана, Павла Аморийского, Льва Мудрого и некоторых других первоклассных поэтов, свидетельствует об его высоком достоинстве. По этой книге можно учиться Догматическому и нравственному богословию.

Постная Триодь, «училище благочестия», как называл ее проф. Дмитриевский, учит нас аскетике и нравственному богословию. Цветная Триодь говорит о торжестве Воскресения, Вознесения, дарах Св. Духа и о явлениях Спасителя.

К этим двум книгам можно приравнять известные места Миней, но только известные. Сюда относятся службы великих господских и богородичных праздников, с их предпразднственными подготовительными последованиями. Особенно и здесь приходится отличать творения великих поэтов: Андрея, Косьмы, Дамаскина и других, более второстепенных.

Еще ниже стоят службы рядовым святым из тех же Миней. Понятно, что вдохновения и воображения поэта не может хватить, чтобы на все случаи и всем святым найти соответствующие образы, примеры и сходства в темах канонов и библейских песен. Отсюда и тавтология, и синонимы, и игра слов...

Особенно в этом отношении бедны содержанием и художественными достоинствами службы русским святым. Отечественные поэты не были, кроме всего прочего, воспитаны на классических церковных образцах метрики и тоники. Если византиец, плохо или хорошо, старался держаться этих правил, то русскому уху они просто не были известны и доступны. Кроме того, церковная и общая культура, отличавшая византийцев, не доставала русским песнопителям. Этим объясняется, помимо прочего, несообразно увеличенный размер наших песнопений. Стоит только сравнить двухстрочный тропарь общий Апостолам, или бесребренникам Косме и Дамиану, или Целителю Пантелеймону с тропарем Казанской Божией Матери или князю Владимиру, в которых и множество мыслей, и несоответствующих тропарю, как краткому песнопению, подробностей, затемняют суть празднуемого события или лица. Наряду с этим, как характерный признак русских служб, надо отметить степень полиелейного праздника, усвоенную всем русским святым, кроме св. Ольги.

В истории развития гимнографии следует отметить также и легкое со временем заимствование содержания и образов из одних служб для других. Это свидетельствует об ослаблении воображения, о желании скорее подражать, чем творить. Вот несколько примеров.

Ослабление творческого порыва у церковных поэтов (а не творческих способностей Церкви, конечно) видно прежде всего в так наз. общих тропарях святым. Так, очень многим мученикам не написано индивидуальных тропарей, а церковный устав довольствуется общим «Мученик(цы) Твой(и), Иисусе...»; и мученицам часто положен общий тропарь «Агница Твоя, Господи...»; апостолам — общий апостольский «Апостоле святой... моли милостивого Бога...»; то же и святителям «Правило веры и образ кротости...» и т. д. Появилась даже в русском церковно-богослужебном обиходе особая обезличивающая книга «Общая Миней», в которой даны общие типы служб отдельным лицам святых: пророкам, апостолам, преподобным и т. д. Точно также и в отношении стихир. Многим преподобным дана общая стихира «Монахов множество...» или на многие случаи жизни Церкви положена общая стихира «О преславного чудесе...». Это свидетельствует об оскудении вдохновения у песнопителей: писать надо по определенному образцу, на определенные темы, в определенных формах. Рамки библейских песен, которых, кстати сказать, возможно придерживаться только весьма приблизительно и издалека, служат общим трафаретом для прославления памяти какого-либо новопрославленного святого или новоявленной иконы Богоматери и т. д.

Характерно и то, что Церковь нашла возможным проводить довольно полную аналогию в своих праздничных памятях. Мы имеем в виду празднества Пасхи⁵ с параллельными им празднествами Рождества Христова и Богоявления. Параллелизм повечерних и утренних канонов и трипеснцев местами поразителен. Это говорит не об оскудении творческих вдохновений, а о желании подчеркнуть сотериологическую и богословскую значимость этих событий из жизни Господа и Церкви.

Дальше более подробно будет сказано об этом. В самом деле, совпадение канонов и трипеснцев Страстной седмицы и предпразднеств Рождества и Богоявления, как то «Непроходимое волнящееся море...» или «Сеченное сечется...» или «Волною морскою...» с незначительными изменениями применительно к данному событию, равно как и служба «Царских часов» и литургия в сочельник Рождества и Богоявления, начало того кенотического, уничижительного момента, который проходит через весь искупительный подвиг Спасителя, как в рождении в яслях, в крещении от Иоанна и в страданиях и погребении. Поэтому этот параллелизм предпразднственных служб не должен быть отнюдь понимаем как оскудение творческого дара поэтов, а, наоборот, как их большое богословское дерзание.

Но наряду с этим встречаются и такие заимствования и перифразы, которые мало могут послужить к похвалению творческих способностей церковных витий. Как примеры, Можно привести: трипеснец предпразднества Преображения (5 августа) в его 9-й песни содержит такую параллель с 9-ой же песнью канона Пасхи:

Предпраздн. Преображения

---

⁵ Т. е. Страстные последования.

«О слово Божие, о мудрость и сила и образ Отець. О Боже разумеваемый верным, и человеке познаваемый, Твоего Преображения в нас сподоби совершити светлое торжество, в свете добрых дел сияющих».

Пасха:

«О Пасха велия и священная Христе. О мудросте, и Слове Божий, и сило, подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни царствия Твоего».

Еще характернее, что при составлении служб Трем Святителям (Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому) Иоанн Евхаитский Мавропод просто переделывает тропарь и кондак апостолов Петра и Павла самым незначительным образом:

Тропарь ап. Петру и Павлу:

«Апостолов первопрестольницы, и вселенныя учителяе, Владыку всех молите мир вселенней даровати, и душам нашим велию милость».

Тропарь Трем Святителям:

«Яко апостолов единоправнии, и вселенныя учителяе, Владыку всех молите, мир вселенней даровати, и душам нашим велию милость».

При составлении служб равноапостольным Кириллу и Мефодию поэтическое вдохновение не пошло дальше того, чтобы составить такой тропарь:

«Яко апостолов единоправнии и словенских стран учителяе, Кирилле и Мефодие богомудрии, Владыку всех молите, вся языки словенские утвердити в православии и единомыслии, умирити мир и спасти души наша».

Кондак, ап. Петру и Павлу:

«Твердыя и благовещанныя проповедатели, верх апостолов Твоих, Господи, приял еси в наслаждение благих твоих и покой: болезни бо онех и смерть приял еси паче всякаго всеплодия, едине сведый сердечная».

Кондак Трем Святителям:

«Священныя и благовещанныя проповедники, верх учителей, Господи, приял еси в наслаждение благих Твоих и упокоение: труды бо онех и смерть приял еси паче всякаго всеплодия, едине прославляяй святыя Твоя»

Еще один пример. При составлении службы Рождеству Пресвятыя Богородицы в частности, хвалитных стихир, взяли за образец стихир на «Господи воззвах» на Успение и им весьма усердно подражали:

Успение:

«О дивное чудо. Источник жизни во гробе полагается, и лествица к небеси гроб бывает. Веселися Гефсимание, Богородичен святой доме: возопиим вернии, Гавриила имуще чиновачальника: Благодатная радуйся, с Тобою Господь, подали миру велию милость».

«Дивны Твоя тайны, Богородице, Вышняго престол явилася еси, Владычице, и от земли к небеси преставилася еси днесь. Слава Твоя боголепная, богоподобными сияющи чудесы, Девы с Материю Царевою на высоту вознеситесь. Благодатная радуйся, с Тобою Господь, подай миру Тобою велию милость».

Рождество Пресв. Богородицы:

«О дивнаго чудесе. Источник жизни от неплодныя раждается, и благодать плодородити светло начинается. Веселися, Иоакиме, Богородицы быв родитель: несть ин якоже ты, земнородных родителей, благоприятне: боговместимая отроковица, Божие селение, Пресвятая гора, тобою нам даровася».

«О дивнаго чудесе, от неплодове плод воссия мановением всех Содетеля, и Вседержителя, доблестно мирское благих разреши неплодство. Матери с Материю Богородичною ликуйте, зовуще: Благодатная радуйся, с Тобою Господь, подай миру Тобою велию милость».

При составлении службы преп. Серафиму в 1903 году ему написана такая стихира на «Господи воззвах»:

«О преславное чудо, подвижник благочестия в Сарове является и молитвенник к Богу теплый Серафим пречудный нам бывает: веселися, обитель Саровская, имущи в себе мощи преподобнаго: взиграйте, православных множество, предивнаго Серафима имуще в бедах заступника и вопиюще к нему: радуйся светильниче российский земли, тмы сопротивных далече отревай и Господеви молися, даровати душам нашим велию милость».

Часто при составлении какой-либо службы прибегают к перечислению имен в случае, если прославляется несколько святых. Это наблюдается даже в Октоихе, где иногда в службе апостолов (четверг) перечисляются имена всех их. Так, правда, верующие привыкают и запоминают эти дорогие всем имена. Тоже бывает часто и в Минеях при перечислении имен 7 отроков, 40 мучеников или в стихире всем сербским святым. Иногда, особенно в русских службах, прибегают к географическим именам⁶. Как пример

⁶ «Боровская похвале», «Ростовское украшение» и т. п.

малого, почти ничтожного богословского содержания можно привести службу Всем Святым в земле русской просиявшим. Кроме имен, очень близких русскому сердцу, и географических названий⁷, нельзя найти мыслей ни догматического, ни аскетического, ни нравственного содержания.

Еще можно привести пример. Тропарь святому Савве Сербскому послужил образцом при написании тропаря преп. Трифону Печенгскому:

Св. Савве, гл. 3:

«Пути, вводящего в жизнь, наставник и первопрестольник и учитель был еси: первое бо пришед, святителю Савво, отечество твое просветил еси, породив тое Духом Святым: яко древа маслинная в мысленном рай насадил еси всеосвященныя твоя чада. Тем, яко апостолом и святителем сопрестольна, чтуще тя молим: моли Христа Бога, даровати нам велию милость».

Св. Трифону, гл. 8:

«Пути, вводящего в жизнь, наставник и учитель был еси: первее бо, преподобие отче наш Трифоне, пришел еси в часть Норвегския земли и в последних концах северныя страны языки просветил еси, породив водою и Духом Святым, и священная твоя чада в бесплодной пустыни, яко древа масличная насадил еси, велию обитель святых и живоначальныя, единосущныя и нераздельный Троицы создал еси и монахов множество собрав. Тем яко апостолом и пустынножителем равночестна чтуще тя, прилежно припадающе вопием: моли всех Бога за Императора и за область твою, и за вся люди, почитающия память твою».

Да и в отношении общего духа содержания нашего богослужения заметны сильные изменения. То, к чему стремились в первые века, что создавали ученики апостолов и первые мученики, что вообще носило на себе отпечаток пафоса первохристианства, — было проникнуто горячим стремлением непосредственного воссоединения с Богом, приближением к Нему, проведением в жизнь тех благодатных даров Духа, которыми жила первохристианская Церковь. Харизматичность господствовала в то время в жизни христианской общины и в ее литургическом творчестве. Поэты поэтизировали тогда вдохновенно и «сколько было у них силы», — по свидетельству первохристианских писателей. Потом это заменилось стремлением к отвлеченному богословствованию в стихах и музыке, красках и формах. Это время дало нам наши догматики, «анатолиевы стихиры», творчество Павла Аморийского, Романа, Андрея, Косьмы, Дамаскина. Наконец, в последующий период пошло подражание в смысле форм и содержания; оскудение богословского пафоса, а подчас и богословские провалы; в смысле нравственно-аскетическом все начинает окрашиваться оттенком боязливого преощущения адских мук, вечного наказания и т. д. Характерным должен быть признан стих: «Господь грядет грешники мучити...»

Закончим словами архиеп. Антония Храповицкого, богословский авторитет, литургическая грамотность и безошибочное ощущение церковности которого не подлежит, кажется, никакому сомнению. Он пишет⁸: «Известно, что в первые века христианства молящаяся церковь стремилась все стороны жизни личной и общественной проникнуть духом благодати; таково содержание молитв, вошедших в Служебник и Требник. Затем, после V века, преимущественным содержанием молитв сделалось толкование слов св. Библии и догматизм⁹; это вторая, низшая ступень богослужебного творчества, хотя все еще исполненная высоких созерцаний и духовного восторга. Наконец, в дальнейший византийский период церковной истории в религиозном сознании начинает преобладать более мрачный, исполненный рабского страха характер, и содержанием молитв становится исповедание ужаса загробных мучений и моления к Богу и особенно к Богородице об избавлении от них».

---

⁷ «Взыграйте горы Валаама».

⁸ Полн. собр. соч. т. II, стр. 308.

⁹ Догматы в христианской поэзии Иоанна Дамаскина.